

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Часть 3-я ¹⁾).

1877—1878.

Г Л А В А I.

Что сдѣлаетъ Англія?

Вопросъ, поставленный г-жей Новиковой въ заключеніи письма, въ которомъ она сообщала, что война объявлена, задѣлъ и Гладстона, и многихъ англичанъ. Мы, говорятъ они, настаивали на необходимости имѣть одинаковую отвѣтственность съ Россіей въ опредѣленіи Восточнаго вопроса. Мы вошли въ соглашеніе съ ней при составленіи программъ реформъ, на Константинопольской конференціи, которую турки отвергли. Мы подписали протоколъ вмѣстѣ съ Россіей, предлагающій Турціи золотой мостъ, посредствомъ котораго она могла бы избѣжать опасности войны и необходимости исполненія реформъ. Турція и это безъ церемоніи отвергла. Вы спрашиваете, какъ поступить теперь Англія?

Отвѣтъ былъ, что Англія ничего не сдѣлаетъ. Мы приказали султану приступить къ реформамъ, но такъ какъ онъ отказался исполнить наше повелѣніе, то мы честно умыли руки отъ всего дѣла, благодаря Бога, что избавились отъ такого мошенника. Къ этому рѣшенію правительство и большая часть націи пришли безъ всякихъ колебаній. Это была эгоистичная, близорукая политика, подлая политика, но та часть англичанъ, которая не была эгои-

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1910 г.

стична и подла, которая сознавала свою отвѣтственность и готова была идти на необходимыя жертвы, была въ безпомощномъ меньшинствѣ. Она не могла даже требовать поддержки отъ лидеровъ либеральной партіи.

Никакое національное униженіе не чувствовалось такъ остро безсильнымъ меньшинствомъ и не было принято съ такой снисходительностью всемогущимъ большинствомъ, какъ это. Иди мы рука объ руку съ Россіей, не было бы турецкаго сопротивленія, а если было бы, то въ одинъ мѣсяць съ нимъ бы справились. Въ интересахъ самой Турціи соединенное понужденіе было желательно, какъ желательно, чтобы у зубного врача была сильная кисть руки, чтобы сразу выдернуть больной зубъ, а болгаръ это избавило бы отъ обращенія ихъ страны въ театръ войны. Для принципа Европейскаго концерта, ради человѣколюбія и цивилизаціи, наша обязанность была ясна. Но мы отъ нея уклонились. Лордъ Биконсфильдъ надѣялся, что турки побѣдятъ. Большая часть націи не любила Россіи и не желала мѣшать ей сломать себѣ зубы о Турцію. Но преобладающее вліяніе имѣлъ чистый, прямой, неподдѣльный эгоизмъ Англіи. Зачѣмъ намъ тратить выстрѣлы, или копѣйку на болгаръ? Если русскіе желаютъ сражаться за нихъ съ туркомъ, пускай сражаются, сколько угодно. Но мы будемъ нейтральны. Таково было осторожное мнѣніе даже либераловъ, какъ Форстеръ, Брайтъ. Послѣдній былъ противникомъ всякой войны, а первый не могъ себѣ представить, чтобы мы были обязаны воевать противъ Турціи. Душа Гладстона разразилась гнѣвомъ: ему припомнилась Крымская война и роль, которую въ ней играла Англія, но, несмотря на поддержку радикаловъ и сильной партіи, онъ былъ теперь безсиленъ даже собрать послѣднюю. Итакъ, вся нація была солидарна въ рѣшеніи предоставить славянъ ихъ судьбѣ. Народъ еще не былъ достаточно воспитанъ, чтобы понять свою отвѣтственность.

Кабинетъ, безнадежно дѣлившійся на голоса, какъ только вопросъ шелъ о дѣйствіи въ ту или другую сторону, согласился, наконецъ, не дѣйствовать вовсе. Политика дешевая, популярная и безопасная.

Что же касается до духовенства, то священникъ В. Дентонъ ярко описываетъ ихъ положеніе въ своемъ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ отъ 31-го марта. Вотъ оно:

„Консервативные члены нижней палаты такъ хорошо приучены повиноваться (Ваши бывшіе крѣпостные едва-ли были покорнѣе), что за исключеніемъ г-на Форсайтъ, никто пальцемъ не пошевелинулъ, хотя даже среди нихъ не всѣ согласны съ политикой мини-

стерства. Мы достигли одного: война изъ-за Турціи съ Россіей абсолютно невозможна“.

Либералы были воинственнѣе настроены, но наврядъ ли набралось бы ихъ 60 или 70 въ палатѣ изъ 638 членовъ.

При этихъ условіяхъ положеніе Гладстона было необыкновенно затруднительно. Возбудить народъ къ тому, чтобы отказать въ помощи туркамъ, было легко. Устроить публичныя собранія въ пользу присоединенія къ Россіи и сдерживанія турокъ, хотя бы дипломатическаго, было труднѣе. Такъ, напримѣръ, Фриманъ всегда указывалъ въ своихъ публичныхъ воззваніяхъ на то, что мы не должны быть вовлечены въ эту войну съ Россіей.

За два дня до объявленія войны, г. Фриманъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Грецію, пишетъ мнѣ:

„Я увѣренъ, что наступило время для большихъ митинговъ, или для сильной дѣятельности вообще. Какъ много сдѣлали митинги прошлаго года, до Сентъ Джемсъ Холь включительно, ясно изъ того, что они до сихъ поръ воспаляютъ умы торіевъ. Ихъ хвастовство, что нація измѣнила свое мнѣніе, должно бы получить отвѣтъ. Главное слѣдуетъ выяснить, что ни въ какомъ случаѣ мы не позволимъ еврею втянуть насъ въ войну съ Россіей. Мысль его все время несомнѣнно была заставить Россію воевать съ турками, чтобъ придраться къ ней потомъ. Не думаю, чтобы онъ сообщилъ объ этомъ лорду Дерби: тотъ слишкомъ глупъ, или лорду Салзберри, который слишкомъ честенъ, но это его игра, это ясно, и намъ слѣдуетъ говорить противъ этого въ-время. Вы, сѣверяне, должны бы начать агитацію“.

Изъ Вероны г. Фриманъ пишетъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 30-го апрѣля:

„Я здѣсь съ двумя дочерьми Маргаритой и Еленой по пути въ Грецію. Мы услышали передъ самымъ отъѣздомъ изъ Англій, что началась война. Вамъ не нужно спрашивать, на чьей сторонѣ мои симпатіи, но я боюсь, что многіе въ Англій отступаютъ. Удивительно, какъ это русское пугало дѣйствуетъ. Я боюсь, что даже „Daily News“ слабѣетъ. Легенды про обращеніе съ уніатами сильно вредятъ Россіи въ Англій. Его сравниваютъ съ обращеніемъ турокъ въ Болгаріи. Я ничего не знаю объ этихъ легендахъ, но если вѣрить самому худшему разсказу, все же нѣтъ никакого сравненія между двумя примѣрами. Хорошо объ этомъ было написано въ „Guardian“ прошлую среду. Я, кажется, послалъ Вамъ экземпляръ моего добраго друга „Сѣверное Эхо“, съ очень хорошей аналогіей. Чувства англичанъ къ протестантамъ въ Нидерландіи во время Елизаветы не были менѣе искренни, потому что

католики и протестанты конформисты тогда преслѣдовались въ Англіи.

„Люди имѣютъ весьма неопредѣленное понятіе объ уніатахъ, какъ и о старыхъ границахъ Россіи, Польши и Литвы. Не дурно было бы, съ Вашей стороны, просвѣтить ихъ на этотъ счетъ. Греція, повидимому, тоже очень боится, что Вы ею пожертвуете въ пользу Болгаріи. Я говорю грекамъ, что меня, надѣюсь, не заставятъ чертить границы въ Македоніи и Фракіи. Если-бъ это случилось, я бы сдѣлалъ себѣ враговъ изъ двухъ народовъ, которыхъ дружбой я дорожу. Но если возстанутъ Эпиръ, Фессалія и Критъ, Греція должна зашевелиться“.

Позднѣе г-нъ Фриманъ опять коснулся этого вопроса.

„Я не могъ понять причины этой русской „Синей Книги“, развѣ еврейское желаніе какъ-нибудь да повредить Россіи. Надѣюсь, что рассказы — ложь. Но допустимъ, что все это правда, что тогда? Россія и Англія независимыя государства. Каждое изъ нихъ стоитъ на своихъ ногахъ. Каждое должно видѣть свои грѣхи. Ни одно не можетъ быть судьей другого. Ни одно не поддерживается третьей державой для собственныхъ выгодъ. Но турокъ не самостоятеленъ, онъ не стоитъ на своихъ ногахъ, его поддерживает Англія и другія государства изъ-за собственныхъ интересовъ. Эти государства поэтому имѣютъ право его судить, иначе его грѣхи будутъ ихъ грѣхами. Издать русскую „Синюю Книгу“ ни въ какомъ смыслѣ не соотвѣтствуетъ турецкой „Синей Книгѣ“. Это не что иное, какъ дерзкая выходка еврея, подобная прочему. Мы не должны бы останавливаться на вопросѣ греческихъ уніатовъ, хотя въ 1877 году торійскія газеты много писали о немъ. Правительство, чтобы сдѣлать недружелюбную выходку относительно Россіи, издало „Синюю Книгу“, наполненную донесеніями Мансфельда (англійскаго консула въ Польшѣ), описывавшаго жестокости, которымъ подвергались греки-уніаты отъ русскихъ властей, чтобы принудить ихъ возвратиться въ православіе“. Это было большое мѣсто для г-жи Новиковой; 2-го мая она писала Гладстону:

„Мансфельдъ и его жена положительно въ рукахъ поляковъ по вопросу о греческихъ уніатахъ. Повѣрьте мнѣ, прозелитизмъ совсѣмъ не въ нашей природѣ. Удивительно, какъ часто англійскіе дипломаты бываютъ введены въ заблужденіе. Я дамъ Вамъ выдержку изъ только-что полученнаго мною письма: *L'ambassadeur d'Angleterre est furieux de la marche des affaires, prétendant qu'il a été trompé par les Russes et qu'il a assuré tout le temps son gouvernement qu'il n'y avait qu'un très petit parti qui croyent l'honneur national en jeu. Le bon vieux Leflô (ambas-*

sadeur de France) lui a nettement parlé l'autre jour. „Plaignez vous encore quand c'est uniquement grâce à vos récits mensongers que nous devons la guerre. Oui, je maintiens mon dire: vous avez donné sur eux de fausses informations. Le 9 avril Leflô recoit un telegramme de Paris du Duc Decazes, vous êtes trop alarmiste, vous et vos rapports. La guerre est impossible. Personne ne veut la guerre. Je pars pour Nice. Eh bien, repond Leflô, j'aurai le plaisir de vous en faire revenir dans trois jours. La guerre fut declarée le 12/24 avril.

Энтузіазмъ великъ, пожертвованія такъ велики и такъ добровольны, что даже русскіе съ трудомъ вѣрятъ своимъ глазамъ. Никакое описаніе не можетъ дать Вамъ понятіе о томъ, что происходитъ здѣсь, со времени объявленія войны. Какъ слѣпы были нѣкоторые за это послѣднее время! Я, кажется, Вамъ говорила, что каждый день мира былъ днемъ страданій, пока не было предпринято что-нибудь серьезное въ пользу славянъ.

Пишите, дорогой г-нъ Гладстонъ, если можете это сдѣлать, не подвергая себя опасности. Въ свободной Англійи есть извѣстное рабство, очень странное для русскихъ, которое называется „свобода прессы“, иногда страшно низкой и вульгарной. Простите, что говорю такъ откровенно. Ваша всегда, несмотря на печать,

Ольга Н“.

Это письмо вызвало немедленный отвѣтъ. Гладстонъ въ то время былъ въ борьбѣ съ лидерами своей собственной партіи относительно его знаменитыхъ резолюцій въ пользу совмѣстнаго съ Россіей давленія на турокъ, высказанныхъ имъ 7-го мая.

73 Гарлей Ст. 8-го мая 1877.

Дорогая госпожа Новикова, позвольте Вамъ объяснить то рабство, о которомъ Вы упоминаете въ своемъ интересномъ письмѣ отъ 2-го.

По восточному вопросу я дѣйствую противъ правительства, противъ клубовъ, противъ лондонской печати (въ большинствѣ), противъ большинства обѣихъ палатъ и противъ пяти шести или девяти десятыхъ плутократіи страны. Это составляетъ большую силу; противъ нихъ, по моему мнѣнію, настоящая нація. За нее и вмѣстѣ съ ней я стараюсь дѣйствовать. У меня, видитъ Богъ, нѣтъ избытка силъ. Я обязанъ тщательно избѣгать всего, что можетъ уменьшить мои силы. Писать Вамъ тайно, систематически, посылать Вамъ документы, или что-нибудь подобное, усилило бы предубѣжденіе противъ меня, и этимъ повредило бы дорогому для

меня дѣлу. Не удивляйтесь поэтому, если я просилъ Васъ отказаться отъ посланки писемъ заказными, или чего-нибудь производящаго впечатлѣнія секрета, а теперь прошу не посылать Вамъ документовъ, которые до меня лично не касаются, иначе я имѣлъ бы видъ агента. Мы въ пылу большого спора. Дѣйствія касаются одного моего замѣчанія въ парламентѣ, только что сдѣланнаго, 30-го апрѣля, и потому они поспѣшны; но было множество митинговъ съ большимъ энтузіазмомъ. Невозможно, по краткости времени, правильно сравнить ихъ съ осенними, но я думаю, что они оправдываютъ мое мнѣніе, что нація думаетъ теперь такъ же, какъ она думала тогда. Я заваленъ работой. Частный человекъ, въ частномъ домѣ, я получилъ 140 писемъ въ субботу, а вчера, кажется, 250. Мою переписку съ русскими ставятъ мнѣ въ вину въ дебатахъ. Я долженъ упомянуть объ этомъ въ отвѣтъ. Не имѣю времени распространяться объ общемъ вопросѣ. Да помилуетъ Богъ тѣхъ, кто правъ. Вашъ искренно

В. Гладстонъ.

Прежде чѣмъ это письмо достигло Москвы, Ольга Алексѣевна послала слѣдующее выраженіе восторга и страха. Содержаніе его рѣчи и его резолюцій дошло до нея по телеграфу въ Москву. „Вы снова ведете благородную и великую борьбу въ исторіи міра. Да укрѣпитъ Васъ Богъ и увѣнчаетъ успѣхомъ Ваши геройскія усилія. Пожалуйста откликнитесь. Ваша благодарная

Ольга Н“.

Храбрецы, желавшіе видѣть британскій флотъ въ соединеніи съ русской арміей, были сильны на сѣверѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центра, но идея соединеннаго дѣйствія была слишкомъ нова и не по вкусу большинству англичанъ. Къ тому же, война уже началась. Я съ своей стороны напечаталъ воззваніе, которое вызвало интересное письмо ко мнѣ г-на Чемберлена, съ которымъ я въ то время часто переписывался. Чемберленъ въ началѣ своей карьеры былъ крайній радикалъ. Онъ мнѣ писалъ 12-го апрѣля слѣдующее:

„Въ общемъ я совершенно согласенъ съ Вами въ этомъ вопросѣ; международное посредничество предполагаетъ международную политику. Однако, я не имѣю ни малѣйшей надежды убѣдить въ этомъ партію мира, во что бы то ни стало. Нужно помнить, что число ихъ невелико и безъ дѣйствительнаго вліянія. Большинство націй, я надѣюсь,—друзья мира, но друзей мира, какой бы ни было цѣной, можно по пальцамъ перечесть. Вѣроятное послѣдствіе невмѣшательства будетъ, что Россія произведетъ одна судъ надъ Турціей,

и сдѣлавъ это, не будетъ въ состояніи отказать своей арміи и своей націи въ ожидаемой наградѣ, т. е. въ увеличеніи территоріи. Тогда мы начнемъ кричать о вмѣшательствѣ Англій и, хотя не думаю, чтобы правительству было разрѣшено объявить войну Россіи, и я увѣренъ, что мы были бы не сильны въ этой борьбѣ, тѣмъ не менѣе есть большой рискъ осложненій, въ которыхъ серьезно запутаны наши интересы. Съ другой стороны, желаніе вмѣшаться во-время и въ соединеніи съ другими, чтобъ заставить Турцію исполнить рѣшеніе конференціи, имѣло бы, я увѣренъ, результатомъ ея немедленное подчиненіе.

Надѣюсь, Вы будете продолжать, когда представится случай, защищать взгляды, которые Вы такъ хорошо выразили въ своихъ статьяхъ“.

Когда возгорѣлась война, храбрецы требовали съ негодованіемъ энергичныхъ дѣйствій парламента, но, за исключеніемъ маленькой радикальной группы, Гладстонъ не могъ найти парламентской поддержки. Слѣдующее письмо отъ Питеръ-Райландсъ, члена парламента, написанное 27-го апрѣля, наканунѣ появленія резолюцій Гладстона, выражаетъ чувства отчаянія и отвращенія, преобладающія въ воинственномъ лагерѣ въ то время.

Г-нъ Райландсъ писалъ изъ нижней палаты:

„Я сильно желалъ склонить переднюю скамью оппозиціи на то, чтобы предложить резолюцію, выражающую сожалѣніе, что вслѣдствіе колеблющейся политики правительства и нежеланія его искренно соединиться съ другими европейскими государствами, они упустили случай обезпечить улучшеніе участи христіанъ въ Турціи и предотвратить войну.

Я составилъ резолюцію и далъ ее лорду Гартингтону, но, къ несчастію, различіе мнѣній между лидерами оппозиціи и необычайная робость нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ политической вялостью состава либеральной партіи, помѣшали узнать мнѣніе палаты при голосованіи.

Я согласенъ съ Вами; либеральная партія въ значительной мѣрѣ не исполнила своей обязанности къ Восточному вопросу въ эту сессию, и я очень боюсь, что ошибочный взглядъ партіи невмѣшательства повліялъ на несогласіе мнѣній, что лишило возможности предпринять какой бы то ни было шагъ“.

Гладстонъ, истощивъ всѣ средства убѣдить лидеровъ своей партіи, рѣшился дѣйствовать самостоятельно. 30-го апрѣля онъ заявилъ о пяти резолюціяхъ, нѣсколько длинныхъ и неясныхъ, суть которыхъ было требованіе, чтобъ Великобританія приняла участіе въ воздѣйствіи на Турцію. Въ ту же минуту друзья вмѣшательства

стали собирать митинги во всѣхъ передовыхъ центрахъ, поддерживая Гладстона и призывая либеральныхъ лидеров его поддерживать. 1-го мая я получилъ письмо отъ Чемберлена:

„Либеральная передняя скамья рѣшила покинуть Гладстона, а весьма важно, чтобъ онъ имѣлъ общую, искреннюю народную поддержку. Если виги будутъ держаться теперешняго рѣшенія, въ партіи долженъ произойти расколъ. Я не увѣренъ въ томъ, будетъ ли это дурно, такъ какъ мы можемъ надѣяться, что она составитъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

„Я радъ извѣстіямъ о митингахъ въ Вашемъ сосѣдствѣ и надѣюсь на увеличеніе ихъ на этихъ дняхъ“.

Начались переговоры, чтобы убѣдить Гладстона согласиться на парламентскій маневръ которымъ, вся партія могла бы явиться въ палату, чтобы поддержать его первую резолюцію, въ которой объявлялось, что палата имѣетъ законную причину недовольства отвѣтомъ Порты лорду Дерби 21-го сентября. Гладстонъ согласился. Когда должны были начаться пренія, его спросили, имѣетъ ли онъ намѣреніе раздѣлить свои резолюціи. Гладстонъ отвѣчалъ: „нѣтъ“, но обыкновенно ставится на голосованіе первая. Послѣдовалъ двухчасовой неясный споръ, послѣ котораго Гладстонъ произнесъ, по увѣренію Бальфура, самую блестящую рѣчь, когда-либо слышанную въ палатѣ, но страна не поняла ея сути, и истолковали ее, какъ отступленіе, даже какъ бѣгство Гладстона. Нѣкоторые либералы пришли въ отчаяніе.

Гладстонъ всегда отрицалъ отказъ отъ какой-нибудь изъ своихъ резолюцій. Вотъ объясненіе того, что случилось, написанное г-мъ Чемберленомъ 8-го мая на слѣдующее утро, послѣ дебатовъ:

„Я боюсь, что Гладстону измѣнили его недавніе коллеги. Сколько я понимаю, у него спросили: намѣренъ ли онъ всѣ свои резолюціи снять съ очереди. На его отвѣтъ, что онъ никогда не имѣлъ этого намѣренія, его просили заявить объ этомъ палатѣ, говоря, что этимъ онъ соединитъ свою партію. Отъ этого произошло волненіе между приверженцами Гладстона, которымъ казалось, что если Гладстонъ перемѣнилъ тактику, то страна, возставшая на его зовъ, обманута.

Я не вѣрю, чтобы произошла такая перемѣна, хотя друзья Гартингтона, стараясь придать этому такой видъ, нанесли новый, серьезный ударъ партіи, достоинство которой несомнѣнно пострадало отъ такой сцены, какая произошла вчера“.

Слѣдующее письмо Манчестерскаго епископа Фрозера отъ 11-го мая выражаетъ чувства лучшихъ гладстонцевъ сѣвера.

„Я глубоко чувствую важность кризиса и сильно сожалею объ

угрожающемъ расколѣ въ либеральной партіи. Не могу себѣ представить, чтобы страна, въ здоровомъ разумѣ, шла на войну за Турцію. Духъ ослѣпленія нашелъ на большую и вліятельную часть общества: не знаю съ какими цѣлями и по какимъ причинамъ все дѣлается возможнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ сознаться, я не вижу ясно прямой цѣли политики г-на Гладстона. Отвлеченныя резолюціи всегда сомнительны. Самое грустное въ этомъ случаѣ, по моимъ понятіямъ, это то, что лучшія человѣческія чувства служатъ предметомъ презрительныхъ насмѣшекъ. Это проявляется, напримѣръ, въ спорахъ о вивисекціи, такъ же, какъ въ Восточномъ вопросѣ. И въ исторіи извѣстно, какъ часто, такъ называемая эпоха высшей цивилизаціи была грубо равнодушна къ страданію“.

Чтобъ устранить недовольство и дать опять вліяніе храбрымъ, Чемберленъ пригласилъ Гладстона въ Бинглей-Холь въ Бирмингамѣ на открытіе національно-либеральнаго союза. Чемберленъ не скрывалъ своей цѣли. Онъ мнѣ писалъ 24-го мая:

„Если Вы желаете имѣть ключъ къ предстоящей демонстраціи, которая по своей важности превзойдетъ все, что до сихъ поръ было, то вотъ онъ: эта демонстрація наиболѣе активныхъ либераловъ, для поддержки человѣка, который болѣе чѣмъ кто-либо представляетъ въ настоящее время дѣйствующую политику за границей и дома (Гладстонъ).“

„Будущая программа либерализма должна идти изъ нижнихъ слоевъ. Мы не можемъ ожидать вдохновенія отъ нашихъ оффиціальныхъ лидеровъ, и я надѣюсь, что теперешнее движеніе послужитъ къ единенію въ дѣйствіяхъ и дастъ силу и ясность мнѣнію либераловъ“.

Г-жа Новикова въ Москвѣ слѣдила съ тревогой за судьбой Гладстоновскихъ резолюцій. Дебаты кончились 14-го мая. Г-нъ Фриманъ за это время прибылъ въ Грецію, откуда писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 27-го мая:

„Греки не знаютъ на что рѣшиться, и это меня не удивляетъ. Не трогаясь съ мѣста, они ничего не получаютъ, двинутся же не смѣютъ, боясь, что Гобартъ-паша сожжетъ ихъ прибрежные города. Опасность для нихъ, какъ Вы видите, больше, чѣмъ для неприморскихъ странъ. Они страшно боятся Россіи, думая, что Вы сдѣлаете все для Болгаріи и ничего для нихъ.“

„Я, право, думаю, что дружеское увѣреніе со стороны Россіи относительно Греціи было бы очень полезно. Народное настроеніе дѣлается воинственнымъ, банды направляются въ Фессалію. Государственнымъ людямъ необходима увѣренность, что въ борьбѣ съ

турецкимъ флотомъ они не останутся безъ помощи. Вашему флоту довольно дѣла. Не могла ли бы Австрія (которая, кажется, склонна дѣйствовать въ Босніи), или Италія сдѣлать что-нибудь?”

29-го мая каноникъ Лидонъ писалъ г-жѣ Новиковой изъ Оксфорда свое мнѣніе на положеніе дѣлъ. Оно характерно спокойной защитой Россіи, которая, въ его глазахъ, героически несетъ на своихъ плечахъ бремя новаго крестоваго похода.

„Со времени преній въ парламентъ, по поводу резолюцій Гладстона, требованіе войны съ Россіей сравнительно затихло. Конечно, туркофильскія газеты: „Pall Mall“, „Daily Telegraph“ и „Morning Post“ продолжаютъ свою агитацію по-прежнему. Но люди безпристрастные, по моему наблюденію, гораздо менѣе склонны ихъ слушать, а тѣ, кто думаетъ, что при данныхъ обстоятельствахъ война съ Россіей была бы страшнымъ преступленіемъ со стороны Англии, имѣютъ смѣлость болѣе рѣшительно это высказать въ печати и въ обществѣ.

Прошлое воскресенье я коснулся этого предмета въ проповѣди передъ Оксфордскимъ университетомъ. И, какъ я послѣ узналъ, мои слова были хорошо приняты.

Конечно, пока премьеромъ лордъ Биконсфильдъ, мы не въ безопасности, у него положительная страсть поддерживать азіатовъ противъ европейцевъ, нехристіанъ противъ христіанъ, но кабинетъ его далеко не единодушенъ, и я надѣюсь и вѣрю, что есть министры, которые обуздають своего главу, какъ они это дѣлали до сихъ поръ.

Пожалуйста убѣдите Вашихъ московскихъ друзей, что въ Англии есть множество людей, которые благодарятъ Бога за успѣхи русской арміи, которые радуются надеждѣ избавленія армянскихъ и болгарскихъ христіанъ, и которые отрицаютъ распространяемую газетами глупость объ опасности для нашей Индійской имперіи.

Въ четвергъ Гладстонъ произнесетъ рѣчь по Восточному вопросу передъ 30.000 публикой въ Бирмингамѣ. Будутъ особые поѣзда, и я надѣюсь, будетъ большая народная демонстрація въ пользу справедливости, что означаетъ въ пользу Россіи“.

Митингъ состоялся, успѣхъ былъ поразительный. 2-го іюня Ольга Алексѣевна писала Гладстону:

„Примите мои сердечныя поздравленія съ Бирмингамскимъ торжествомъ и мою благодарность за брошюру, дошедшую, наконецъ, до меня, послѣ большого опозданія. Мой сердечный привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Ваша искренно

Ольга Новикова, рожденная Кирѣева“.

Сообщено Е. С. М.

